

TEAM

ПЕХОТА
БЕССМЕРТНА
2

ПТСР team
ПТСР team. Пехота
бессмертна-2
Серия «Военная проза XXI века»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74126336
ПТСР team. Пехота бессмертна-2: Яуза-каталог; Москва ; 2026
ISBN 978-5-00155-924-5

Аннотация

Сообщество ПТСР_team образовалось за несколько лет до СВО.

В него входят бывшие и действующие военнослужащие, сотрудники силовых структур, частных военных компаний, ветераны боевых действий, ополченцы ЛДНР.

Многие участники ПТСР ТЕАМ принимали и принимают участие в боевых действиях как на СВО, так и отстаивая интересы Родины в других странах и на других континентах.

Удостоены высоких государственных, ведомственных наград и наград частных добровольческих формирований, принимают участие в программе Время Героев.

Второй том рассказов «Пехота бессмертна» является логическим продолжением первого и, в то же время, еще более

ярко и цельно в нем отражены профессионализм, храбрость и непередаваемое чувство юмора авторов и героев их рассказов.

Содержание

Точка отсчёта	8
21 сентября 2022 года	8
Долгий путь	9
Доброволец или наёмник?	26
Конец ознакомительного фрагмента.	44

ПТСР team. Пехота

бессмертна–2

ПАМЯТИ БОЙЦОВ ОТДЕЛЬНЫХ
ДИВЕРСИОННО-РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ
ОТРЯДОВ «ПЛАМЯ» И «ФАКЕЛ», ОТДАВШИХ
СВОИ ЖИЗНИ ЗА РОДИНУ

«ПЛАМЯ»

Вертелецкий К. М.

Ветрогон В. Л.

Гаврилов Д. М.

Грогуленко Д. Р.

Дьяконов М. Е.

Иванков В. З.

Игонин Д. Н.

Измайлов Д. Ш.

Клоков А. В.

Кравцов В. В.

Кузьминых А. Г.

Кутушев Р. А.

Ляшенко М. М.

Мамонов Д. А.

Неровнов В. Ю.

Орлов А. О.

Осокин А. А.

Романенко С. Ю.

Саракаев Р. А.

Сорокин В. В.

Черников А. Ю.

Шанин А. Н.

Яковенко Э. Ю.

Яровой А. П.
«ФАКЕЛ»
Акишев К. Ю.
Аксёнов А. Ю.
Ахтаров А. А.
Базаркин Ф. А.
Батуев М. А.
Бендерский О. В.
Валеев Р. Ш.
Варламов А. В.
Гависов Р. В.
Гоздок Д. И.
Доброхотов С. А.
Дубровский А. Ю.
Ефимович С. В.
Зайков А. В.
Коновалов А. А.
Кульчицкий Ю. М.
Курепин А. И.
Кутушев М. З.
Лёушкин С. В.
Макаров Д. И.
Максимов Е. Н.
Маликов С. Н.
Меньшиков Е. А.
Минин А. А.
Недыба С. Т.
Пантелеев Э. В.
Пестов А. А.
Прокопец С. Г.
Рачев П. А.
Рогов И. Ю.

*Рябков Д. Н.
Саблер Н. Е.
Семьнин А. А.
Ситкалеев В. С.
Собко А. А.
Сумцов Р. В.
Тетюцкий Л. Э.
Федоров А. В.
Чакканов П. М.
Черепанов А. А.
Чикишов А. Н.*

Серия «Военная проза XXI века»

На обложке использована иллюстрация *А. Абеленцевой*

© Абеленцева А., (худ.), 2026

© ООО «Яуза-каталог», 2026

Точка отсчёта

21 сентября 2022 года

Сегодня интересный день. Он снова обнулil всё в моих глазах и мыслях. Весь день мне говорят: «Зачем?»

«Зачем тебе туда самому идти?»

И главное: кто это говорит? Те, кто и сам должен безукоризненно пойти выполнять свой долг. Вместо этого они строят планы, как избежать этого. Прячутся за юбки своих женщин. Или ждут, пока к ним в дверь не постучатся и не «попросят пройти», чтобы выполнить то, что должно.

А мой ответ прост: не нужно питать иллюзий. Все тысячи лет истории и цивилизации не смогли изменить одного – права сильного. Оно неизменно. Те, кто сильнее, придут и заберут у вас ваших жен, а ваши дети будут обречены жить в нищете, если вообще им позволят жить.

И либо мы сейчас станем сильными снова, либо нас не станет.

Скиф, 21.09.2022

Долгий путь

Когда объявили мобилизацию, для меня это было словно попытка возрождения.

Тот самый экзамен, к которому я готовился всю жизнь.

Ведь большая часть моей жизни была связана со службой в силовых структурах. И этот вызов я оказался готов принять.

Поэтому 21 сентября (начало мобилизации), как это ни странно для многих прозвучит, для меня стало праздником. Самым настоящим.

После объявления о частичной мобилизации я начал ожидать, принялся готовиться, различными путями приобретать медицину и экипировку, хотя ценник был огромный: в первые же часы цены выросли многократно.

Они, конечно, очень тормозили процесс: приходилось приобретать части экипировки по отдельности, искать через своих.

Со дня на день я ожидал повестку.

Но прошла неделя, вторая, затем третья... и ничего не происходило: повестки не было.

Тогда я пошел в военкомат лично.

И там добрая женщина, устало посмотрев на меня, неожиданно спросила: а зачем ты сюда вообще пришёл?

Удивившись, я начал объяснять свои мотивы, что вот, я

десять лет служил, что я принёс все документы, что я занимал руководящие должности в спецподразделении и что стране нужны военные – и вот я здесь...

На что она очень грустно на меня посмотрела и ответила: – Мальчик. Иди домой. Твой час ещё настанет.

В чём-то её слова были пророческими. Но это стало понятно гораздо позднее.

Оглянувшись, я с грустью осмотрел контингент, который мобилизовывали: мужчины лет 45+ в не самой лучшей физической форме и с очень печальными глазами (глубокое осознание ситуации постепенно приходило к ним).

Вернувшись домой, я продолжил свою обычную работу. Но в то же время продолжал и готовиться. Попробовал зайти в систему «Редут» к «Волкам» в штурмовую (или скорее рейдерскую) группу. Докупал экипировку, листал литературу, изучал проведение диверсионных мероприятий...

Пока я это всё делал, шли месяцы, война уже менялась, диверсионные мероприятия сходили на нет. Но я поставил себе рубежом февраль: в этом месяце или должна была случиться ещё одна мобилизация, или я должен был заходить в систему «Редут».

Новый год я провёл в семье, но праздновать было тяжело: зов сердца, как зов Монолита в «Сталкере», не прекращался – и мысленно я был уже на войне. Этот зов не давал нормально спать, он заставлял нервничать, я в полной мере ощутил, что означает «быть не на своём месте». Выжигают

щее изнутри ощущение.

Наступил февраль. Мне поступило ещё предложение из спецподразделения МВД по Херсонской области, где уже служил мой товарищ. Он сказал, что отряд будет действовать не только по адресной работе, но и по линии боевого соприкосновения. Однако когда началось общение с руководством, те стали настаивать на обязательной сдаче физических тестов, нормативов, то есть на так называемых «обкатках».

Я задал один прямой вопрос:

– Вы находитесь в таком положении и у вас такой избыток кадров, что вы можете проводить «обкатки»? И пренебрегать опытными людьми?

На что конкретного пояснения мне не дали.

Спустя время в связи с какими-то обстоятельствами данное подразделение создало ещё один отряд специального назначения, а тот, первый отряд вместе с моим товарищем перевели в систему «БАРС»¹ и передали Министерству обороны. Мутная история, которая удержала меня от вступления туда.

Прошёл февраль. В марте начались контрольные созвоны. И тут на связь выходит один мой знакомый и говорит:

– Есть одно интересное предложение. Одна частная кон-

---

¹ Подразделения «БАРС» – «Боевой армейский резерв страны» – изначально созданы были как проект мобилизационного резерва МО РФ, после начала СВО подразделения «БАРС» стали добровольческими формированиями. (Прим. авт.)

тора (не «Вагнер») предлагает очень хорошие условия для участия в СВО.

По его словам, красиво предлагалось, как в рекламной акции, воевать за вполне нормальные деньги, но не просто в пехоте, а в бригадной разведке. И контингент скупался/набирался под заявление одного известного «в узких кругах» человека, который якобы вот-вот сам станет командиром этой бригады.

Мы начали собираться: к нам присоединился Туман, мы заполнили анкеты, я уже докупил всю экипировку, за исключением некоторых тактических мелочей. Пока суд да дело, на дворе уже настал май – и нам пришло указание выдвигаться в сторону подготовительного лагеря.

С Туманом мы договорились встретиться в баре у знакомого парня. Бар был вполне неформальный, оформленный в стиле киноэпопеи «Звёздные войны». В бар мы прибыли уже с вещами, туда же к нам приехал мой бывший сослуживец со своими товарищами.

Товарищи имели очень объёмные спортивные формы и долго рассказывали нам про то, какие они специалисты в военной сфере. Мы с Туманом смотрели на них и до конца не понимали, что происходит: почему едем на войну мы, а не они. Впрочем, это было для нас не важно, потому что мы сами приняли решение – и оно являлось вполне уверенным.

Но выглядело это со стороны довольно странно: два обычных человека, которые едут на войну, и два действующих

спецназовца, которые на неё не едут и не собираются в принципе. Потому что у одного из них «чувство самосохранения» (с), а у второго «качалка». Короче, все очень заняты.

И вот в 12 ночи за нами приехала машина (арендованный мной минивэн), «специалисты» помогли нам загрузиться – и мы выдвинулись в сторону лагеря.

Когда мы приехали в славный город Тамбов, было 6 утра. На КПП еще никого не имелось, кроме военных, которые его охраняли.

Как вы помните, это был уже май – и комары тут же принялись немилосердно поглощать нас с Туманом.

Пока нас ели, подъехал ещё один наш товарищ – Рим. Теперь мы стояли втроём, распивали энергетики – и Рим рассказывал нам всякие истории.

Чуть позже начала подтягиваться остальная группа «в полосатых купальниках» (с) – так называемые mercenaries².

И тут начали трескаться стёкла в моих розовых очках (зачёркнуто) в представлениях о мире наёмных военных.

Судя по общению, они себя представляли такими тиграми войны, «львами Евфрата», которые воюют не один год.

В моем представлении это были некие профессионалы, но первая оценка, как известно, визуальная, а то, что я увидел, когда они начали приезжать, меня постепенно повергало во всё более глубокий шок.

Это была в основном категория 40+ с очень характерны-

---

² Наёмники. (Прим. ред.)

ми пропитыми лицами, судя по которым, они весь отпуск занимались нещадной утилизацией этилсодержащих напитков различной крепости. Обычная алкашня, с которой в силу своей службы в МВД я очень много раз сталкивался.

Потом приехал Лука (ныне уже покойный), который на тот момент являлся нашим сборщиком, руководителем и организатором.

Когда все собрались, был приглашён из лагеря представитель Конторы, через которую мы все должны были заходить.

И тогда началось интересное.

Представитель крайне удивился нашему присутствию и спросил что-то вроде: «А вы кто и что вы здесь забыли?»

Выяснилось, что лагерь не ждал в этот день никого, и вообще нас никто не звал, потому что те условия, которые были представлены в «рекламном проспекте» Луки, не соответствовали действительности.

Изначально нам сообщалось, что эта Контора создаёт свою бригаду, объединяя какие-то отряды по типу «Барс-16» «Терек»³ – и вот там будет бригадная разведка. Узнав об этом, начальник лагеря был крайне удивлён, но после нескольких созвонов руководством Конторы было всё-таки принято решение запустить нас в лагерь. И начать нас оформлять, но в обычные подразделения.

Во время оформления многие участники были отсеяны, в том числе и сам Лука. У многих не имелось на руках всех

---

³ Казачий отряд. (Прим. авт.)

нужных документов. Что, в принципе, показало уровень отношения некоторых личностей к организации процесса: мы (я, Туман и Рим) приехали со всеми документами, со свежими справками, а люди, которые нас собирали, этого не удосужились сделать.

Во время анкетирования и собеседования, когда выяснялось, кто есть кто, я указал, что был в офицерском составе в ОМОНе. И мне сообщили, что со мной будут разговаривать отдельно.

Также со мной на беседу пригласили капитана ФСИН и старшего лейтенанта (или капитана) МО и стали задавать разные общевойсковые вопросы на тему руководства, документации, процесса обучения, строевых записок и т. д.

Почему-то на эти вопросы только я отвечал правильно, что меня тоже очень удивляло и даже уже напрягало. С капитаном ФСИН было примерно понятно: это другая структура, а вот почему бывший представитель МО не может ответить – было непонятно совсем.

В итоге я был назначен командиром учебного взвода – и на мои плечи легла боевая подготовка людей, которые уже участвовали в конфликтах, причём не в одном.

В тот момент я не понимал смысла боевой подготовки тех, кто уже много воевал.

80% находившихся там уже участвовали с 14-го года в конфликте в Донбассе, а также были в командировках в Сирии и Ливии.

Тем не менее я, и Туман, и Рим были допущены к пребыванию в лагере, потому что по документам и личным качествам мы подходили под требования Конторы. Как и большая часть тех, кто приехал с нами.

А вот Лука и его напарники проверку не прошли из-за недостатка документов и вскрывшихся проблем с законом. А ведь они уже даже распределили между собой должности в новом «подразделении», о котором всем рассказывали. Лука мне в тот момент сказал, мол, «ну ладно, давай ты ПОКА побудешь за старшего, и посмотрим, как ты себя покажешь: может быть, будешь моим заместителем на территории СВО».

В процессе всех этих выяснений я познакомился с прекрасным человеком с позывным Кази. Харизматичный весёлый одноглазый пират. Который с самого начала относился ко мне с большой теплотой.

Кази был начальником штаба лагеря и занимался контрактованием и всякой бумажной работой. Он повёл меня познакомиться с местными представителями вооружённых сил, которые нам должны были выдавать оружие, и посвятил в разные организационные вопросы.

Наутро второго дня нам показали расположение стрелкового полигона, на который я как старший должен был сопровождать людей.

Получив оружие и по два магазина (это было моё первое в жизни столкновение с автоматом Калашникова 12-й

серии и его «замечательным» диоптрическим прицелом), мы отправились на полигон.

Средств индивидуальной бронезащиты в учебных целях тогда Контора не выдавала, поэтому я взял свою защиту, а большинство людей пошли без бронежилетов, без разгрузок, потому что, по обещаниям того же Луки, «на месте должны всё выдать» (с).

Это был один из образцово-легендарных примеров того, как на самом деле всё «дают» на месте.

До полигона было пешком шесть километров.

Не такая уж большая дистанция, но тут выявились первые проблемы: экипировка и обувь. Люди были полностью не готовы. Их обувь не подходила для выполнения задач (в данном случае – для марша по пересечённой местности, где песок переходил в чернозём, а потом чернозём в песок и так далее).

По итогу взвод шёл эти шесть километров около полутора часов.

Многие натёрли ноги в неподходящей обуви.

Кто-то в силу отсутствия физподготовки и даже просто волевых качеств то и дело останавливался для передышки. Температура была около 27 градусов, а воду с собой тоже взяли отнюдь не все.

В итоге мы с Туманом (которые взяли воду) начали уже эту воду делить на всех. Напомню, что если я участвовал до этого только в контртеррористических операциях, то осталь-

ные были участниками реальных военных конфликтов.

И почему-то при этом вот все не взяли с собой воду на полигон.

На месте нас ждал военный инструктор базы с позывным Тренер. Внешне он был очень похож на блогера Александра aka Разведоса и, вероятно, являлся его поклонником, потому что похожа была не только внешность, но и жестикуляция, и манера общения.

Он начал нас учить стрелять «с нуля». Но его преподавательская ошибка заключалась в том, что у него было только два способа: его и неправильный.

Когда я попросил его внести какие-то корректировки, мне было сказано, что то подразделение, в котором я служил, не является боевым в плане достаточного уровня подготовки, что в боях в Шервудском лесу⁴ на пять его магазинов приходилось более 20 убитых украинских боевиков и т. д. и т. п.

Я посмотрел на него и подумал: «Ну ладно. Моя задача – провести этот месяц без потерь и попасть в подразделение, а не вступать в бессмысленную полемику».

Итак, он начал обучать нас и основной упор делал на технику безопасности. А техника безопасности в его понимании заключалась в легендарной фразе из фильма «Падение “Чёрного Ястреба”», где боец “Дельты” отвечал на вопрос морпехов, почему он не ставит оружие на предохранитель. Боец показывал указательный палец и говорил: «Вот мой предо-

---

⁴ Лес в окрестностях города Изюм. (Прим. авт.)

хранитель!»

И данный инструктор тоже считал, что оружие на предохранитель ставить не нужно.

А надо понимать, что хотя в отряде были опытные боевики, но там же были и люди, которые первый раз взяли оружие в руки. И вот им говорят, что их предохранитель – это указательный палец.

Я был очень рад, что на мне есть бронежилет и я хоть в какой-то безопасности посреди подобного огнестрельного беспредела.

Первым заданием была стрельба из положения лёжа на сто метров. На удивление, новички показывали неплохой результат.

В последующие дни подготовка продолжалась. В подразделение прибывали новые бойцы, и оно потихонечку выросло до роты. Так как наш товарищ Лука всё ещё не мог зайти, я стал командиром учебной роты ещё в лагере. Также я продолжал отвечать за процесс боевой подготовки и назначил нештатных санинструкторов, которые проводили занятия с личным составом.

Как я уже говорил, состав этот был крайне разношёрстным по уровню подготовки: от людей, которые действительно что-то могли и имели реальное представление о современной войне (их было процентов семь), до тех, кто жил какими-то байками или историями о первой чеченской кампании.

Истории были в таком духе, что «кровь надо останавливать шнурком от берцев» или при отсутствии кровоостанавливающих средств с каолином или иным препаратом надо мочиться на бинт, потому что «моча – это и антисептик, и кровоостанавливающее».

Все эти адские бредни срывали учебный процесс, но, слава Богу, по итогу эти люди не попали вообще никуда.

В общем и целом вся подготовка в лагере сводилась к индивидуальной. Никакой подготовки на уровне хотя бы отделений не проводилось.

Да и её было невозможно провести, потому что каждый раз, приходя на полигон, мы оказывались в подчинении военных, которые считали: максимум, что нам нужно давать, – это индивидуальная подготовка. И почти всегда это была стрельба на сто метров одиночными патронами. К автоматическому огню прикоснулись пару раз.

Товарищ Лука в итоге всё же зашёл в подразделение, но начальник лагеря ему сказал, что в лагере он точно не будет занимать никакие руководящие должности. Но так как он всё же являлся каким-то авторитетом для большей части пришедших с ним людей, к его мнению приходилось прислушиваться тоже и учитывать в определённых вопросах.

В дальнейшем я сделал Тумана своим заместителем командира роты, потому что один я просто не успевал со всем контрактованием и бумагами. Особенно если учитывать крайнюю неграмотность многих зашедших с нами лю-

дей. Чтобы вы понимали глубину проблемы, там был человек, который не умел расписываться. И в принципе не умел писать. И документы за него заполнял его родственник.

В день отправки царила суета. Подготовка списков личного состава, транспорта, который пойдёт в колонне (помимо основного транспорта, который предоставляла Контора), подготовка всех документов, проверка документов, окончание контрактования, получение на руки приписных документов и отправка в точку подписания окончательного контракта – а уже оттуда, собственно, в зону СВО.

В районе 9 часов вечера мы выдвинулись колонной в сторону Ростова-на-Дону.

А в 23 часа начали поступать первые непонятные сообщения в «Телеграме» о начале марша ЧВК «Вагнер» в сторону Москвы...

Многие сомневались и говорили, что это вбросы и что хохлы пытаются создать неразбериху в войсках. Но моя задача была – довести подразделение до Ростова, и все эти сообщения меня не особо останавливали.

Примерно в районе часа или двух ночи мы подъехали к Ростовской области, где нас уже физически остановили представители ГАИ. Их было восемь машин.

Я, как старший, вышел на переговоры. Мне сообщили, что дорога перекрыта из-за «проблем с подразделением “Вагнер”», потому что марш на самом деле происходит, а в Ростове царит неразбериха...

– Но мы не имеем отношения к ЧВК «Вагнер».

– Давайте подождём всё-таки.

После часового ожидания мы двинулись далее. В тот день рассвет был в пять утра. А в 5:30 мы встретили первую колонну 10-го ШО группы «Вагнера». Штурмовой отряд проезжал мимо нас, махал нам ручкой и показывал джамбу.

Когда мы лично увидели колонны «Вагнера» и как они идут, что расстояние между машинами более 25 метров, что скорость колонны не превышает 20–25 км/час (что обеспечивает работу ПЗРК «Панцирь», прикрывающего колонну с воздуха), то воздух этот начал наполняться чем-то необычным. Им дышалось слишком легко – и он слишком пьянил...

Потому что в тот момент, когда произошла дестабилизация в стране, от официальных властей не было никаких заявлений, зато были первые сбитые вертолёты МО, звонки из разных частей страны (все уточняют, что делать), замешательство и непонимание...

Всё это пьянило, как пугачёвская или разинская вольница. Ты вроде и не участвуешь, но находишься рядом, и выбор за тобой, и само государство стоит у пропасти, в которую можно свалиться и превратиться во вторую Украину просто из-за того, что сильные мира сего не могут договориться.

Тогда мы ещё не знали всех подробностей, но приняли чёткое решение: не принимать участия ни в каких событиях и довести доверенных нам людей до цели.

Товарищ Лука пытался провести некоторый саботаж, раз-

вернуть колонну на месте и отправить её в составе «Вагнера» на Москву. Но мы с Туманом приняли чёткое решение не вестись на провокации и доставить колонну до места, а уже потом пусть каждый сам решает, что ему делать, исходя из развития событий.

К моменту нашего прибытия около часа дня в пункт контрактования под Ростовом в Воронежской области уже шли какие-то столкновения, начинались переговоры, Верховный главнокомандующий обратился к стране и сообщил, что это бунт, что в случае неповиновения будет применена армия. И всё стало понятно.

Кремль показал свою точку зрения, и мы были с ней согласны.

В пункте контрактования нас ждали новые сюрпризы. Нам сообщили, что бригады никакой не будет, разведки не будет тоже, а идём мы в обычную пехоту. В самую пехотную пехоту. И условия контракта очень сильно отличались от условий, которые обсуждались на базе.

Я, Туман и Рим совместно приняли решение об отказе от захода через это подразделение. Мы сказали, что выполнили свою задачу, личный состав доставлен в пункт назначения, но на этом всё.

Около трёх часов дня с нами расстался один из наших знакомых, который был родом из Ростова и очень переживал за семью и ребёнка.

А около пяти нас встретил другой наш хороший знако-

мый, что служил в одной из местных частей и также был давним нашим товарищем и ветераном ПТСР TEAM из-под Ростова, отвёз к себе домой, мы там пообедали. Пригожин уже вёл переговоры с Лукашенко, и колонны уже были развёрнуты от Москвы.

Мы созвонились с представителями лагеря и приняли решение возвращаться туда, по пути заехав в мой родной город.

Оставшийся в Ростове знакомый отдал нам свою машину. Как сейчас помню, Infinity FX35.

И мы выдвинулись в сторону Волгограда.

Выехали мы в районе 7 вечера. Это был один из самых запоминающихся и тяжёлых дней.

Проехав 200 километров от Ростова, мы сломались и встали посреди бескрайней степи.

Я люблю степь. Бескрайняя даль, звёздное небо и Млечный Путь...

Но Туман... ну, это Туман. Пока я разглядывал небо, он просто лёг и начал храпеть. Какой там Млечный Путь, какие звёзды...

И я решил созвониться со своей мамой. Это настоящая спартанская женщина, которая понимала всё.

Когда я позвонил ей в полпервого, она сказала: «Да, мы сейчас приедем». Она со своим мужчиной села на машину и выдвинулась к нам.

Ещё я созвонился с эвакуатором, чтобы не бросать в степи

кипящий «Инфинити», а доставить его в Волгоград.

Родители забрали Тумана, а я остался ждать эвакуатор и доехал на нём.

Отоспавшись, прогулялись по городу, я показал Туману Волгу, простор и вольницу, Мамаев курган... После чего мы снова направились в сторону Тамбова.

А в Тамбове нам сказали, что в наших услугах более не нуждаются.

Я приехал домой уставший и опустошённый: неужели опять ничего не получится? Возвращаться обратно на работу было глупо, да и как бы это выглядело в глазах моих бывших коллег? Не доехал до войны? Нет, будем искать варианты снова. Шли недели, что постепенно перетекали в месяцы, и в итоге раздался звонок от Казии:

– Привет, что делаешь?

– Привет! Да особо ничего, тренируюсь, ем, сплю, живу свою лучшую жизнь.

– Счастливый человек, – сказал он с явной ухмылкой в голосе. – Смотри, мы тебя согласовали, но только тебя.

– А парни?

– А парни как-нибудь сами разберутся, это уже только твоя история, а не ваша общая. Так что давай, хватит булки мять, я жду тебя через неделю у себя, будешь заходить.

Скиф

Доброволец или наёмник?

В этот раз всё было гораздо быстрее, чем только можно представить. Почти все вещи лежали в рюкзаках, оставалось собрать только самое необходимое. Маршрут уже известный. Связался с водителем, который должен был довезти до точки. Но и в этот раз я поехал не один, со мной был ещё один из наших самых молодых ветеранов. Я его называл «сбежавший от срочной службы». Он еще в конце 2021 года, чтобы не идти на срочку, уехал добровольцем в «Спарту»⁵. Славный малый изначально знал, что год маршировать и петь песни – не лучшая затея. Однако пробыл он там ровно до момента, когда «Спарту» начали интегрировать в систему Минобороны РФ. Он решил уволиться, съездить домой, решить вопросы и понять, что делать дальше. Ну а потом он поехал со мной.

По приезду на базу нас встретил Кази:

– Привет, «пятисотый наёмник»! – Он, улыбаясь, протянул мне руку, мы поздоровались и обнялись. – Как дорога? Всё нормально было?

– Да, всё прошло нормально. Ты тут как? Всё в силе? Когда заезд?

– Смотри, заезд будет примерно 14-го числа, сроки пере-

---

⁵ Один из знаменитых батальонов народной милиции ДНР, в котором служили Арсен Павлов (Моторола), Владимир и Артём Жога и другие яркие командиры 2014 года. (Прим. ред.)

несли. Ты можешь вещи оставить и съездить по своим делам, а вот твой товарищ останется тут. Пусть познакомится с ребятами и на полигон походит.

– Слышал? – Я повернулся в сторону Монаха. – Ты будешь в залоге! – пошутил я.

Кази поддержал меня:

– Да, точно. В залоге. А то ты опять не доедешь до войны. – Мы посмеялись, вспоминая ту ситуацию.

Весь день я провёл в лагере. Уже вечером Кази подвёз до города. Там я встретился с Виём, который передал мне медицину для групповой аптечки и трёх индивидуальных. Быстрый ликбез на привокзальной площади, как и чем пользоваться (около 40 минут).

– Всё понял? По сути, ничего сложного, главное – не торозить, и всё получится, – сказал Вий.

– Да, брат, понял, ещё изучу вопрос, может, из этого что-то и выйдет.

Мы попрощались, и я поехал на юг, домой.

Домой, в мой озарённый солнцем край, где я мальчишкой босоногим бегал по раскалённому песку с другими мальчишками, беззаботно проводя свои самые лучшие годы на берегах самой величественной реки в мире.

По вечерам я листал книжки по истории и представлял, как разные племена кочевников жили до меня на этих землях. И как нескончаемая орда шла на реку Калку, а через века уже русские князья пришли сюда за реваншем. Как пе-

лось в одной песне, «моя земля пропитана кровью до магмы», земля войн, земля испытаний и величайших побед «на грани».

Первым делом, выйдя из поезда, я отправился на моё «место силы». На Мамаев курган поднимаются по ступенькам, что ведут к памятнику-ансамблю «Героям Сталинградской битвы». Проходят мимо скульптуры «Стоять насмерть», лицо которой – это портрет В. И. Чуйкова, командующего 62-й армией.

Я вспоминал, как в воде, что окружала памятник, я в школьные годы собирал монетки, которые бросали сюда на память туристы. Заходя в Зал воинской славы, я на мгновение замер, глядя на неугасающий огонь. В памяти всплыла фраза: «Традиции – это передача огня, а не поклонение пеплу» (Густав Малер). В языках пламени я чувствовал, как на меня смотрят они сквозь десятки и сотни лет – солдаты прошлого, что, как и я, не оставшись в стороне, отправились туда, где железо рвёт землю, удобряя её кровью потомков победителей.

После Мамаева кургана я отправился на берег Волги. Опустил руки в воду и умылся, по привычке пошёл по берегу в сторону дома матери.

Две недели прошли незаметно, чувство определённой удовлетворённости этим временем давало то, что успел немного помочь маме на даче и посетил место силы. Прибыв обратно на базу, я узнал, что Монах поедет другой партией,

а я отправляюсь уже этим вечером. Ну что же, такова судьба, значит. Я посмотрел на тех, кто будет заходить со мной: самый разношёрстный контингент, от бывших оперативников спецподразделений до «солдат удачи». Неплохая компания вырисовывается. Даже бывший особист был в наличии (только его нам не хватало для полной колоды). Загрузив вещи в автобус, я попрощался с Кази и Монахом.

– Ну что, до встречи. Увидимся в конце этой истории! – улыбнувшись, сказал я.

И вот автобус вновь вёз меня на юг. Но теперь уже одного и наедине со своими мыслями.

По прибытии в военную часть мы подписали еще ряд бумаг и сдали образцы ДНК. После чего нас отправили на получение обмундирования от Минобороны. На выдаче я получил «пиксельную» форму времён Сердюкова. Один погон был на груди, второй – на левом рукаве. Отголоски прошлого, когда реформировали армию под «стандарты НАТО».

– Спасибо, я со своей, – сказал я.

– Распишитесь хотя бы, мы же обязаны выдать! – попросил меня солдатик.

Я поставил свои росписи и вышел с пустыми руками. Вещей и вправду у меня было с собой достаточно на все времена года. Два рюкзака, забитых вещами.

На ночь нас отпустили в ближайший город с условием, что мы придём в 9 утра к указанной точке, где будет ожидать транспорт, который и повезёт «за ленту». Оставив вещи на

хранение, я пошёл в город с парнями, с которыми успел познакомиться. Они были инструкторами по тактической медицине и рассказывали мне все премудрости оказания первой доврачебной помощи.

С утра мы ждали транспорт на указанной точке, а он задерживался на 20 минут. Я сходил купил попить и перекусить в дорогу, потому что ехать нам было около 6 часов. Когда транспорт наконец-то приехал, мы загрузились в него и тронулись. Пока мы ехали, прохожие махали нам руками, понимая, куда мы направляемся. Доехав до КПП, мы долго ждали под палящим солнцем, пока проверят все документы. Жара делала ожидание бесконечным, и очень хотелось найти хоть какую-то тень. После двух часов ожидания мы поехали дальше и уже к вечеру прибыли в пункт постоянной дислокации. Выгружая вещи, я видел, как ко всем подходят их знакомые, которые были уже тут, и забирают в свои подразделения. Когда транспорт был полностью разгружен, я остался один со своими вещами. Ко мне подошёл местный замполит и спросил, в какое конкретно подразделение я прибыл.

– Не знаю, – ответил я. – Вот жду Фьорда.

– Так Фьорд на Запорожье, у них там тяжело сейчас. А ты что умеешь? Каким видами вооружения владеешь?

Я начал перечислять, замполит посмотрел на меня и сказал:

– Наверное, во взвод разведки пойдёшь. Ладно, потом определимся.

В итоге я оказался в составе избитого батальона, выведенного из-под Запорожья. Батальон пополнился и окреп с новыми силами, мы проводили слаживание. В это же время сменилось руководство отряда. Новая метла мела по-новому и ужесточала дисциплину внутри подразделения, что в итоге привело к ряду мелких инцидентов, но они особо ни на что не повлияли. Наши дни стали похожи друг на друга. Подготовка к БЗ шла полным ходом, мы не вылезали с полигона: тактика, стрельба, работа с БПЛА. Незаметно настала глубокая осень и выезд на первую боевую задачу.

Задача была – оказать содействие штурмовикам под каким-то селом.

* * *

Уходящее ноябрьское солнце скрывалось меж свинцовых облаков, гася зарево заката.

Но срывающиеся с неба холодные капли заставили оторваться от этого зрелища, спуститься в окопы и зайти обратно в блиндаж. В полутора километрах от нас шел бой, и звуки, доносившиеся оттуда, погрузили меня в глубокие размышления о том, какой контраст эта обстановка представляет с моей прошлой жизнью... Мысль скользнула в воспоминания о местах, где проходило моё детство.

Альфа позвал меня, сказав, что уже работы сегодня не будет, да и погода портится.

Следуя по узким извилистым окопам, мы приблизились к блиндажу, где располагался штаб батальона. На входе стоял контрактник, молодой парень, на вид лет 20. Вежливо попросив нас почистить обувь от «лечебной» донецкой грязи, он поинтересовался, что за странный автомат у меня в руках. Я улыбнулся, потому что это был обычный АК–74М, а на его лице тем временем читалось неподдельное удивление. Но сил что-то объяснять у меня не было.

Войдя в светлый и тёплый блиндаж, мы начали снимать экипировку, чтобы оставить у входа самые грязные вещи. В глубине лежали наши спальные мешки, и, добравшись до них, мы стали готовиться ко сну, пока местный комбат объяснял своим бойцам необходимость подвига в лесопосадке. Не вдаваясь в подробности разговора, мы легли спать.

Спустя некоторое время меня разбудил громкий спор.

– Я сам пойду, если надо!

– Они сказали, без офицера не пойдут никуда!

Посмотрев на свои часы, я понял, что спал всего два часа, и снова провалился в сон.

Спустя ещё час меня разбудил местный капитан и попросил подойти к комбату. Комбат окинул меня взглядом, который редко увидишь у мужчин: казалось, что он не особо и хочет, но вынужден обратиться ко мне и явно переживает по какому-то поводу.

– Как тебя зовут?

– Скиф.

– А имя?

– Скиф.

– Я понял. У меня замполит батальона «300», его не могут вытащить. У меня в батальоне нет медиков. Забери его, пожалуйста, и помоги, у него что-то там с ногой. Вроде оторвало или просто осколки, непонятно.

– Хорошо, схожу.

Я пошёл туда, где лежала куча моей экипировки, и начал собираться. Ко мне подошёл начальник разведки нашего отряда и сказал:

– Ты не обязан туда идти, наша задача другая.

– Ладно тебе, схожу я за ним.

– Я тебе такого приказа давать не буду.

– Ты же знаешь, мне в принципе сложно что-то приказывать, – улыбнулся я, надевая шлем.

На выходе из блиндажа ко мне обратился лейтенант. Это был высокий улыбчивый и слегка полноватый парень, на вид похожий на одного из тех таджиков, которых я задерживал в прошлой жизни.

– Ты Скиф?

– Да.

– Меня зовут Баха, и мне приказано проводить тебя до крайней позиции.

Я кивнул в ответ, перекинул через плечо медицинскую сумку и взял автомат. Мы вышли из блиндажа. Холодный воздух окончательно разбудил меня, но тёмное затянутое ту-

чами небо не оставило шансов что-либо разглядеть. Пришлось включить ПНВ⁶.

Не пройдя по окопам и десяти метров, Баха предложил выйти на открытую местность и двигаться быстрее. Петляя по окопам, заполненным грязью, мы бы потратили гораздо больше времени. Взяв хороший темп, мы двинулись вдоль посадки. В ПНВ я рассматривал нашу сожжённую технику, оставшуюся после последнего штурма. Звуки боя в стороне, к которой мы приближались, не стихали.

В голове я перебирал различные алгоритмы помощи, вспоминал, как осматривать пострадавшего, и несколько раз повторил себе, что нужно написать время на турникете.

Когда мы дошли до той точки, которая считалась крайней, Баха показал мне, куда примерно идти, а сам остался со своим взводом. Пройдя вперёд ещё несколько сотен метров, я увидел двух парней, которые несли замполита на бескаркасных носилках. Я подбежал к ним и, взяв носилки спереди, первым делом спросил, что с ним. Парни рассказали, что был сброс – и ему вроде бы рассекло ногу, но и они точно не знали, что именно произошло.

Затащив замполита в окопы, я начал осмотр с головы. Он кричал, что у него повреждена только нога, но я вежливо попросил его замолчать и не мешать. Проведя осмотр и не обнаружив других серьёзных повреждений и обильного кровотечения, я срезал жгут с поврежденной ноги, наложил

---

⁶ Прибор ночного видения.

провизорный турникет, поставил обезбол в неповреждённую ногу. Перебинтовавшись, мы вновь двинулись по окопам с носилками. Однако когда мы прошли метров 50, стало ясно, что так будем идти слишком долго, и нужно выбираться на открытую местность и двигаться быстрее. Разведчики попросили заменить их на местных бойцов. Один из них сбегал до соседнего блиндажа и привёл четверых заспанных парней, которые не до конца понимали, что от них требуется.

Я объяснил бойцам, что это их офицер и его нужно эвакуировать. Они особого энтузиазма не проявили, но взяли носилки. Уставшие, с хроническим недосыпом, они несли его по самому краю лесопосадки. Глядя на них, я понимал, что моя усталость не стоит даже рядом с их круглогодичным пребыванием в этих окопах.

Звуки боя оставались позади, отдалялись, и мелкий морозящий дождь превращал чернозём под ногами в бесконечную грязь... грязь, в которой были мы все и снаружи, и внутри.

Когда наша процессия добралась до батальонного блиндажа, мы осторожно опустили замполита – и я смог более детально его осмотреть. Протерев бледное лицо, посмотрел в его глаза и моргнул, давая понять, что всё будет хорошо. Убедившись, что его жизни более ничего не угрожает, я оставил его под присмотром одного из бойцов, что охранял вход в блиндаж в ожидании группы эвакуации, поблагодарил парней, которые помогали эвакуировать, а сам отправился спать

до рассвета.

Наутро меня разбудил общий гул – парни собирались ра- ботать с новой точки в «серой зоне». Они предложили мне остаться, так как я ночью уходил работать, но я отказался, сказав, что без меня они «потеряют мамулю»⁷.

Позавтракав глотком воды, я дошёл до местного комбата и предложил ему выделить бойцов на группу эвакуации. На что он одобряюще кивнул головой. Экипировавшись, мы вы- шли из блиндажа. Посмотрев на серое свинцовое небо, кото- рое придавало совершенно особую атмосферу донецкой осе- ни, я вспомнил берег родной Волги в ноябре и те свинцовые облака, что под карканье ворон уходили вдаль до самого го- ризонта.

Группа выдвинулась знакомым маршрутом по узким из- вилистым окопам.

У крайнего блиндажа мы встретили того самого Баху, и он предложил нам чай, но мы отказались, сказав ему, что не голодны: брать лишнее у парней не было желания.

Пока мы там стояли, я спросил одного из солдат, как дав- но он здесь служит.

Он ответил, что уже полтора года не покидал это направ- ление. Раз в пару недель их на день возят помыться, пости- рать вещи, а затем отправляют обратно в окопы.

Наш разговор прервал прилёт 120-мм мины всего в паре

---

⁷ «Потерять мамулю» – впасть в состояние ступора, вызванное страхом, или оказаться растерянным. (Прим. авт.)

метров от позиций. Ударная волна прошла по земле, часть окопа осыпалась. Баха выглянул из блиндажа, ругаясь на войну, погоду и на всё, что происходит вокруг.

Тем временем Мансур и Чёрный уже развернули оборудование и решили осмотреть местность – ну и сделать сбросы на позиции противника. Я зашёл в блиндаж, который уходил более чем на два метра вглубь, и присел у входа, чтобы навести порядок в медицинской сумке, пока мои парни летали. Вдруг поблизости прилетела «полька», и мне показалось, будто на шлем что-то упало. На ощупь это было похоже на кусок земли, и, взяв его рукой, я кинул его в глубь блиндажа, где стояла крошечная тьма. Вдруг из темноты раздался голос:

– Зачем кидаешься мышами?!

Я перепугался и включил фонарь. В темноте сидел мужик лет 45 с уставшим лицом. Он щурился от света, смотрел на меня и закрывал грязной рукой глаза.

– Извини, пожалуйста, не знал, что ты тут, – ответил я ему.

Повисла неловкая тишина, и я решил дойти до парней, чтобы спросить, как обстоят дела. Полностью погружённые в дело, они азартно сбрасывали ВОГи на позиции противника. Всю работу испортило ноябрьское небо, которое опять принесло дождь. Мы доложили о результатах начальнику разведки, и тот сказал собираться обратно.

Два касетных прилёта определили наш маршрут движения по окопам в мокрой грязи, которая уже даже перестала

раздражать. Сознание смирилось, что от неё уже никуда не деться, что всё, что нас окружает в данный момент, это грязь. Именно та грязь, которая помогает разглядеть сущность человека, потому что тяжело в этой грязи носить повседневные маски лицемерия и лжи.

Проходя мимо одного из заваленных блиндажей, который откопал местный боец, мы увидели, как он с руганью вытаскивает оттуда тело погибшего ВСУшника. В какой-то момент рука трупа оторвалась, и воин, заматерившись благим матом, выкинул её за пределы окопа в сторону ВСУшных позиций и продолжил вытаскивать остальное тело. Мы пожелали ему успеха в его нелёгком деле, на что он буркнул что-то под нос, продолжая свои попытки.

Пробираясь всё дальше по линии, мы зашли перевести дух в один из блиндажей союзников, в котором двое бойцов очень весело обсуждали, куда им деть пулемёт товарища, которого ранило пару дней назад.

– О-о-о, привет, парни, а вы откуда? – спросили они с улыбками на лицах.

Я выдержал пятисекундное молчание, глядя им в глаза и стараясь создать этой тишиной некоторое напряжение. Выражение их лиц медленно начало меняться на более встревоженное, глаза начали искать, где находится штатное оружие, которое было в паре метров от них.

– Да все свои, не переживай, – сказал я, улыбаясь через баф.

Они сделали глубокий выдох.

– Не пугай так больше, а то ходите тут в мультикаме, автоматы все в обвесе. Кстати, вам пулемёт не нужен? – предложил один из них.

– Конечно, заберём, нам лишним не будет.

– А из какого подразделения вы?

– Настолько тайное, что сами не знаем.

– Мы видим, серьёзная экипировка.

Попив воды, мы стали собираться идти дальше, а я попросил подать мне пулемёт.

– Да не, парни, мы пошутили, он нам нужен.

– Смысл-то в шутке, ствол давай, – сказал я намеренно грубее.

– Парни, да мы это, пошутили, – тревожно ответил один из них.

– Шутники, значит, – ответил я, улыбнувшись и натягивая баф обратно на лицо.

Выйдя снова наружу в окопы, мы продолжили путь к нашему блиндажу, петляя по бесконечным извилистым траншеям. Чёрный напомнил, что у одного из наших сегодня день рождения и неплохо бы его поздравить. Когда мы добрались до цели, боец, который охранял вход, взглянув на нас, попросил очистить ботинки от грязи. Совершив это мутное действие, мы наконец-то смогли войти в тёплое и светлое помещение, где стоял начальник разведки и говорил командиру нашей группы:

– Вы уедете отсюда с орденами Мужества! Сами решайте – как, но эти позиции должны быть взяты. И от вас зависит, при жизни носить эти ордена или посмертно! – припечатал он и, развернувшись, ушёл в помещение к местному комбату.

Я подошёл к командиру группы, похлопал его по плечу и сказал, что мы что-нибудь придумаем. А что тут ещё можно было сказать?..

Спустившись в помещение для отдыха, мы начали поздравлять с днём рождения нашего товарища – Латыша. В качестве подарка мы вручили ему пару чистых носков, большой «Сникерс» и кусок нарезанной колбасы, которую кто-то из парней захватил с собой на задание. На нашу компанию получилось по одному маленькому кусочку шоколадки и паре ломтиков колбасы, что являлось почти всей едой за прошедшие сутки. Пять минут, которые мы провели в тепле дружеских поздравлений и поедании шоколадки, казались долгими, как день. Мы словно перенеслись в другой мир, где не было безымянных посадок и гектаров чернозёма, пропитанных потом и кровью...

Латыш был человеком с уникальной историей. Он родился в Латвии, но имел двойное гражданство. Когда началась СВО, он в состоянии алкогольного опьянения пришёл к Рижскому сейму и справил естественную нужду прямо перед дверью. Это событие попало на камеры, и его выдворили из страны, лишив гражданства. После чего он ушёл на СВО

добровольцем. Вот такой финт судьбы.

После поздравления мы подошли к начальнику разведки – узнать о местонахождении вражеского пункта радиоэлектронной борьбы (РЭБ). Он указал точку на карте в соседней посадке, до которой было около четырёхсот метров. Уничтожение этого пункта и являлось ключом к выполнению поставленной перед нами задачи.

Было решено собрать группу для проведения дополнительной разведки и обсуждения возможных вариантов уничтожения пункта РЭБ. В состав группы вошли самые «ненужные» бойцы, среди которых оказался и я. Ориентировочное время выдвижения было назначено ближе к полуночи. Оставшееся время мы решили использовать с максимальной пользой – поспать хоть пару часов.

Проснувшись в половине одиннадцатого, я разбудил командира группы и нашего сапёра. Мы быстро перекусили водой и начали проверять снаряжение для выхода.

Закрепив ПНВ и переклеив армированный скотч на ДТК⁸, приступили к экипировке. Когда всё было готово, командир группы подошёл к начальнику разведки и сообщил о выдвижении. Тот одобрительно кивнул, и мы отправились в путь.

На улице свежий ночной воздух помог окончательно проснуться. Чистое небо открывало прекрасный вид на Млечный Путь, состоящий из тысяч сияющих звёзд. В Москве из-за освещения ночью такой красоты не увидать,

---

⁸ Дульный тормоз-компенсатор.

подумал я про себя.

Мы шли вдоль лесопосадки друг за другом на расстоянии пятнадцати метров. В голове кружились мысли о том, как хотелось бы оказаться сейчас в августе, где-нибудь возле парка Победы со стаканчиком вкусного кофе и круассаном. Да, именно круассаном, подумал я, но тут меня резко отвлек огненный гриб, выросший прямо по нашему курсу в районе Новомихайловки. Сопровождаемый мощной взрывной волной, он на мгновение осветил окрестности.

Насладившись этим эффектным шоу, двинулись дальше.

– Интересно, что это такое? – спросил я.

– Наверное, наши ФАБы по Новомихайловке кидаются, – ответил сапёр.

Дорога стала легче благодаря тому, что мороз наконец-то начал прихватывать грязь. Маршрут, который обычно занимал до сорока минут, мы преодолели за двадцать пять.

Спустившись снова в окопы, подошли к крайнему блиндажу, где нас опять встретил Баха. Поговорив с ним, мы выяснили, что у них «хорошие соседские отношения с лесопосадкой», расположенной справа, и они не стреляют друг в друга. Это прозвучало очень непонятно, но, поразмыслив, мы все же решили посетить «по-соседски» пункт РЭБ, который находился в лесопосадке и мешал нашим пилотам достигать целей СВО. Изучив маршрут движения по «альпине»⁹, сравнили его с ландшафтом. Было очевидно, что любая

---

⁹ Приложение с картами «Альпин-квест», в котором можно прокладывать

ошибка на этом пути может привести к прогулке по открытой местности в одну сторону.

Потом мы уточнили у местных бойцов, не устанавливали ли они минные заграждения. Те ответили, что не делали этого, а возможно, что и вчерашняя артподготовка разрушила мины, установленные у позиций ВСУ. Осталось только принять решение о выдвижении.

Достав телефон и ещё раз открыв приложение для ориентирования на местности, мы выяснили, что до вражеского пункта радиоэлектронной борьбы (РЭБ) около четырёхсот метров по открытой территории. Баха заверил нас, что за последнюю неделю в соседнюю посадку не стреляли – и оттуда тоже не производилось активных действий.

На часах было примерно половина третьего, и мы решили потихоньку выдвигаться. Первым пошёл командир группы, за ним я, а замыкал сапёр. Никто, кроме Бахи, не знал о нашем решении выдвинуться. В голове была только одна мысль: как можно скорее дойти до посадки противника.

Мороз отпустил, и на ноги налипали огромные комья грязи, делая ботинки тяжёлыми, как гири, но это уже не имело значения. Примерно через семь минут мы осторожно спустились в окопы противника. Командир группы достал телефон и посмотрел в него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.